



СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

БРОСОК ИЗ ЗАПАДНИ



Александр Александрович Тамоников
Бросок из западни
Серия «Спецназ Берии.
Герои секретной войны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69521893
Бросок из западни: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-190763-1

Аннотация

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии».

Возвращаясь из заграничной командировки, подполковник спецподразделения НКВД Максим Шелестов и его помощник Михаил Сосновский попадают в авиакатастрофу. Их самолет терпит крушение над одним из островов в районе Гавайев. Пилоты погибают. Выжившие оперативники пытаются сориентироваться и неожиданно сталкиваются с местными обитателями. Те используют остров в военных целях и действуют явно против СССР. Понимая, что рассчитывать можно только на свои силы, бойцы отряда Берии решают начать с противником

хитрую «игру», чтобы оттянуть время и получить шанс на спасение...

«Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берию умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». – С. Кремлев

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	34
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Александр Тамоников

Бросок из западни

© Тамоников А. А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *



СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

**БРОСОК
ИЗ ЗАПАДНИ**



Глава 1

– Командир на борту! – привычно выкрикнул вахтенный.

Лейтенант Парамонов взбежал по трапу, замедлил шаг, ступив на борт. Вскинув руку к козырьку фуражки, привычно отдал честь флагу. Выслушав доклад вахтенного, что на борту без происшествий и судно готово к выходу в море для выполнения боевой задачи, Парамонов отдал приказ:

– По местам стоять, со швартовых сниматься!

Малый «охотник». Маленькое суденышко, но в умелых руках моряков он может стать грозным оружием против вражеских подводных лодок и даже малых надводных кораблей. А моряки Тихоокеанского флота умели воевать. Легкое скоростное судно водоизмещением всего 56 тонн, малый «охотник» развивал скорость до 27 узлов. Маленькая осадка судна всего в полтора метра позволяла не бояться вражеских торпед. А две полуавтоматические 45-мм пушки и два крупнокалиберных пулемета ДШК позволяли отбивать атаки врага и огрызаться весьма существенно. В арсенале судна было 24 глубинные бомбы и четыре мины. Так что враг вынужден был считаться с малым «охотником», когда тот нес патрульную службу ОВР (охрана водного района) или сопровождал караван кораблей. Крепкий корпус корабля был разделен водонепроницаемыми переборками на шесть отсеков, что позволяло делать «охотника» максимально живу-

чим. Сколько раз Парамонов возвращался после боя с полупритопленным корпусом. Вода плескалась под ногами в ходовой рубке, но судно держалось на плаву и упрямо шло к цели. Шестнадцать моряков на борту были одной семьей, единым организмом.

Заработал двигатель. Матросы приготовились сниматься со швартовых, когда вахтенный кивнул в сторону пирса:

– Командир! Батя...

К борту подрулила черная «эмка», из которой, сгибаясь, как циркуль, выбрался командир дивизиона, капитан второго ранга Васильев. Высокий, худой, с орлиным носом комдив был строгим офицером и требовательным начальником. Но моряки, служившие под его началом, знали Васильева еще и как заботливого и справедливого командира. Как это часто бывает в армии и на флоте, за глаза его звали Батя.

Остановив отшвартовку, Парамонов легко перепрыгнул на пирс и поднес руку к козырьку для доклада, но в этот раз Васильев остановил лейтенанта.

– Ну, как настроение, Слава?

– Все в норме, как положено, Иван Васильевич! – улыбнулся Парамонов.

– Ты вот что, Вячеслав. – Комдив достал дюралевый портсигар, открыл его и протянул моряку. – Когда будешь возвращаться, задержись на траверсе Шумшу. Тебе придет радио, в какой квадрат прибыть. Там встретишь эсминец «Зоркий», снимешь с борта военврача Васильеву и раненого мо-

ряка. И доставишь на базу.

– Галя на «Зорком»? – удивился Парамонов.

Военврач Галина Ивановна Васильева была дочерью командира дивизиона. И за трогательными отношениями командира малого «охотника» и Галины Васильевой наблюдал весь дивизион. Начальник связи смотрел сквозь пальцы на то, что иногда в радиопередачах или Парамонов, или Васильев чуть-чуть нарушали инструкцию по радиообмену и позволяли себе немного личного. Связистки и медсестры качали головами и вздыхали, когда на вечере в офицерском клубе смотрели на эту пару. Парамонов и Галя почти не танцевали. Они стояли у окна и разговаривали. Никто не видел, чтобы влюбленные хоть украдкой, но обнимались, целовались, не видел проявлений какой-то нежности. Но во взглядах молодых людей было столько трепета, столько трогательной любви, что обсуждать или осуждать их никто не брался. Даже отец. А ведь Парамонова все знали как геройского командира, храброго моряка, выходившего не раз победителем в неравных схватках с вражескими субмаринами и другими судами. На Дальний Восток Парамонова перевели с Балтики. Да и Галина Ивановна была храброй женщиной.

– Да, «Зоркий» попал в шторм. Один из матросов повредил позвоночник во время падения с высоты. Галину переправили гидропланом на борт. Теперь ты заберешь ее и того моряка. Будь внимателен, Слава, японцы стали вести себя

агрессивно. Не исключаю провокации. Ты командир опытный, выдержанный!

– Иван Васильевич, – Парамонов посмотрел комдиву в глаза, – будет война с Японией или нет?

– Не знаю, Слава, не знаю, – покачал головой Васильев. – Обстановка очень сложная, сведения поступают очень противоречивые. Японцы ведут себя нагло, постоянно пытаются спровоцировать нас, провокации одна за другой. Так что будь внимателен и выдержан, командир!

– Есть, товарищ капитан второго ранга! – Парамонов перестал улыбаться и отдал командиру честь.

Море было беспокойным, на душе тоже было беспокойно. Все чувствовали, что положение здесь, в Приморье и на Дальнем Востоке, шаткое. И чем радостнее были сообщения с Западного фронта о постоянных наступлениях Красной Армии, о том, что гитлеровские войска пятятся и пятятся, оставляя город за городом, тем напряженнее была ситуация здесь. Все понимали, что Гитлеру очень нужна война между СССР и Японией. Ему нужен удар в спину советской стране.

Лейтенант Парамонов умел думать о своем и в то же время не упускать ничего по службе. Это получалось само собой, как будто в нем существовало два человека одновременно. Глаза смотрели на бескрайние воды Тихого океана, он бросал взгляды на экран гидролокатора «Дракон», слышал доклады акустика с шумопеленгатора. Одна часть его

мозга, которая не отвечала за боевую работу, думала о Галине. Нет, это были не мысли, связанные с предстоящей встречей, или какие-то воспоминания. Нет, просто напоминание, что она есть, что она любит его, и это было как щитом, как надежным крепким тылом для мужчины, что делало его бесстрашным. Если за спиной все в порядке, то можно смело идти вперед, грудью встречать любую опасность.

Судно могло находиться в автономном плавании трое суток, но такой задачи Парамонову не ставили. «Охотники» дежурили каждый в своем квадрате по двенадцать часов, потом сдавали район другому командиру, который приходил на смену. Когда до прихода смены в зону дежурства оставалось всего полчаса, по радио пришло распоряжение. Парамонову следовало перевести судно в 32-й квадрат и там ждать эсминца. С борта снять только военврача Васильеву. Раненого моряка эвакуировать опасно из-за сильного волнения на море. С его повреждением позвоночника нужны почти идеальные условия эвакуации. По прогнозам погода улучшится на следующий день, и тогда с «Зоркого» можно будет снять пострадавшего.

«Зоркий» был уже в зоне, удерживая положение малыми оборотами двигателей, стараясь держаться носом к волне. С борта увидели «Мобшку», как любовно на флоте называли морских охотников, и просемафорили, что готовы передать пассажира. Парамонов приказал держать полкабельто-

ва¹ от эсминца. При таком волнении была опасность столкновения судов. Но легкий и маневренный МО-4 с умелым рулевым всегда мог уйти в сторону в опасный момент. Отойти дальше тоже было нельзя, потому что на 4-весельной шлюпке выгрести против такой волны очень сложно. Посадив на весла самых сильных матросов, боцман Вельчук сам сел за руль. Около тридцати минут борьбы с холодными тихоокеанскими волнами, и мокрый экипаж шлюпки передал на борт «охотника» военврача. Парамонов схватил Галину за руки и поднял на борт. Толчком в борт судно накренило, и военврач оказалась в объятиях лейтенанта. Но сейчас нечего было стыдиться. Моряки отводили глаза, зубоскалили по-доброму, готовясь поднять шлюпку на борт с кормы.

Парамонов проводил Галину в свою каюту, точнее, в маленький закуток с лежанкой и откидным столиком.

– Отдыхай, а я пойду на мостик, – сказал он, разглядывая женщину так, будто не видел ее несколько лет. – Погода скверная, а пару часов назад акустик слышал шум винтов. Может статься, что недалеко японская подлодка.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросила Васильева, стягивая с головы черный форменный берет со звездой и проводя ладонью по волосам.

– Мне спокойнее за тебя, когда ты рядом, когда я могу тебя защитить, если возникнет опасность, – ответил лейте-

¹ Кабельтов – морская мера расстояния, равная 1/10 морской мили, т. е. 182,5 метра.

нант. – Еще спокойнее мне, когда ты на берегу. Отдыхай.

Штормило не сильно, всего два-три балла. Но для низкого маленького судна и этого было достаточно. Минимальный обзор из-за волн, низкие тучи повисли над морем, стирая границу между водой и небом. Бортовая качка усилилась, грозя опрокинуть суденышко. Вообще-то «охотники» устойчивые к опрокидыванию, но в силу низкой осадки качка на них ощущалась невероятно.

Это сказывалось на самочувствии экипажа, устойчивости работы двигателя, да и вообще на порядке в каютах. С такой качкой с мест срывало все, что даже было закреплено обычным порядком. Парамонов приказал рулевому сменить курс и идти носом на волну на малых оборотах. Сейчас «охотник» с бортовым номером 505 шел на юго-запад, удаляясь от родных берегов и района боевого патрулирования. Штормовой океан не для таких судов, но лейтенант верил и в судно, и в экипаж.

Чужую субмарину Парамонов заметил первым из всех, кто был в ходовой рубке. Но на подлодке советское судно, кажется, увидели давно. То ли у японцев была какая-то поломка, то ли они шли на дизелях, чтобы подзарядить аккумуляторы. Даже в шуме шторма выстрел палубной пушки был хорошо различим. Первый фонтан воды поднялся возле левого борта.

– Боевая тревога, – крикнул лейтенант, – расчетам занять места...

Парамонов не успел договорить. Яркая вспышка на носу на миг ослепила его и рулевого. Палубный настил вспучился горбом. Несмотря на шторм, Парамонов слышал, как топают ноги моряков, как на палубе уже расчехляют 45-мм пушки и крупнокалиберные ДШК. Отвечать на выстрелы врага или не отвечать, такой вопрос перед командиром не стоял. Его судно подверглось атаке в нейтральных водах, и он обязан был защищаться, защищать экипаж, эту маленькую территорию Родины, маленький ее кусочек.

Резкий поворот руля, чтобы уйти от нового попадания, но катер отреагировал очень вяло, едва развернулся. В носовой отсек судна, развороченный снарядом японской подлодки, хлестала вода. Судно сохраняло плавучесть, но маневренность его значительно упала. Выполнив команду «лево на борт», рулевой стал неистово крутить штурвал. Еще один снаряд разорвался в стороне, окатив палубу и матросов потоком воды. Стала бить пушка «охотника», не умолкая, работал ДШК. Но при таком волнении попасть в цель было очень сложно. Еще столб воды возле самого носа – и матрос-пулеметчик повис на рукоятках пулемета. Откуда-то выскочила Галина и бросилась к раненому. Она, едва удерживаясь на ногах, сняла матроса с пулемета и уложила на палубу.

– Куда? – заорал что есть мочи Парамонов и кинулся из рубки на палубу.

Еще один взрыв! И взрывная волна ударила лейтенанта в спину, как кувалдой. Все перевернулось перед глаза-

ми, он схватился руками за морскую тужурку Васильевой, но пальцы только скользнули по толстому черному сукну. Еще один взрыв. Даже через закрытые веки Парамонову показалось, что он увидел огненную вспышку. А потом соленая вода хлынула ему в горло. Отплевываясь и кашляя, он стал грести руками, пытаясь выплыть из пучины. Спасательный жилет, который во время боевого похода надевали все моряки на катере во время несения вахты или при объявлении боевой тревоги. Не было жилета только на Галине, вспомнил лейтенант и потерял сознание.

Парамонов пришел в себя от холода. Вода то и дело попадала в рот, и он кашлял. И только когда сознание чуть прояснилось, лейтенант понял, что его рука что-то сжимает. Так сильно, что он не чувствовал своих пальцев. Он открыл глаза. Небо было не над головой, а сбоку, и в лицо плескалась вода. Почему я в таком положении, ведь на мне спасательный жилет? Наконец удалось открыть глаза больше, и тогда он видел рядом с собой что-то большое и черное. И в это черное он вцепился пальцами.

Черный флотский бушлат и растрепанные мокрые волосы. Когда же он успел схватить Галину, как же не выпустил, даже в бессознательном состоянии? Он держал Галину за ворот бушлата под подбородком и прижимал ее к себе спиной. Поэтому она не захлебнулась, поэтому он сам плавал в таком странном положении. Убрав с лица Галины волосы, лейтенант стал трясти женщину, звать голосом. В какой-то мо-

мент он испугался, что Васильева мертва, но тут послышался ее стон. Парамонов прижал женское тело к себе плотнее и отпустил пальцами ее бушлат. Пальцев он не чувствовал. Надо шевелить кистью, надо сжимать и разжимать пальцы.

Парамонова мutilo от покачивания на волнах и от контузии. Он боялся, что снова потеряет сознание и тогда уж точно не удержит любимую женщину. Где катер, где ребята? Неужели японцы сожгли его, потопили? Или унесло волнами? А потом спиной лейтенант ударился обо что-то массивное и жесткое. И он услышал сквозь плеск волн голоса, незнакомую речь, а потом понял, что это японцы. Пока в голове металась полуосознанная мысль, как одновременно вытащить из кобуры пистолет и не выпустить из рук Галину, жесткие грубые руки схватили его, вырвали из его рук женское тело и потащили вверх. Парамонов хотел крикнуть «Галина!», но из раздраженного соленой водой горла рвался только кашель. Потом его вырвало, снова стало мутить. И прежде чем потерять сознание, лейтенант успел заметить, что Васильеву тоже достают из воды...

– Прошу сюда! – майор Тернер открыл дверь, пропуская Шелестова и Сосновского в комнату с большим стеклом, через которое виднелась другая комната – комната для допросов. И это стекло было прозрачным только с одной стороны. С противоположной стороны оно выглядело как обычное зеркало.

– Знакомые штучки, – засмеялся Сосновский, указывая на стекло.

– Это очень удобно, – скупой улыбнулся американец. – Особенно для допросов и опознаний. Когда есть необходимость показать подследственного свидетелю, когда есть необходимость наблюдать за мимическими реакциями допрашиваемого.

Шелестов обратил внимание на то, что Тернер очень старательно и правильно произносит сложные слова на русском языке. Как будто специально строит фразу посложнее. Максиму захотелось сейчас же вернуть именно фразу посложнее, чтобы понять, поймет ее американский майор или нет. Но Сосновский опередил напарника.

– Послушайте, Тернер, откуда вы так хорошо знаете русский язык? – осведомился Михаил как бы между делом, усаживаясь на одном из приготовленных для гостей стуле.

– Вы считаете, что я хорошо знаю русский язык? – американец вскинул брови.

– Да, вполне. В вас выдают американца лишь акцент и слишком правильное построение фраз.

– Да, вы правы, – неожиданно согласился майор. – Я знаю русский язык с детства, потому что моя мать русская и ее сестра тоже. В нашей семье принято говорить на двух языках, но я понимал всегда, что тот язык, на котором мы говорим внутри семьи, – это язык не разговорный, не уличный, не язык, на котором говорят в магазине при покупке, меж-

ду приятелями на рыбалке. Это язык литературный, язык, который сохранила старая русская интеллигенция. На таком языке говорят в книгах, но не в обычной жизни. Между прочим, хочу открыть вам один секрет. Хорошо, что вы заговорили о языке, Михаил.

– Надеюсь, это не военная тайна, – усмехнулся Шелестов.

– Ну, может, в какой-то мере и военная тайна, – пожал американец плечами. – Но разведчики союзников должны помогать друг другу. Выйти на резидента нам помог как раз язык. Один из связников, немец по национальности, но хорошо изучивший английский язык, «прокололся», как говорят ваши разведчики. Он просто не понимал разницы английского языка и американского. Это не шутка, поверьте. Так, как говорят в США, особенно в Калифорнии, не говорят в Великобритании. Связник немецкого резидента заехал на заправочную станцию за бензином и обратился со словами: *Please pour gasoline into my car*². Американец никогда не станет так изъясняться. Он просто кивнет на машину и коротко бросит: *Gas*³. Не *gasoline*, а именно *gas*! Это как уличный жаргон, который присущ всему штату, даже большей части страны на юго-западе и западе. А владелец заправки бывший морпех. Он записал номер машины и позвонил в ФБР.

– И вы не уверены, что это Отто Тидеман? – спокойно спросил Сосновский, никак не отреагировав на эту историю,

² «Залейте, пожалуйста, в мою машину бензин» (англ.).

³ «Топливо» (англ.).

больше похожую на байку.

– Не уверены. Вы единственный человек, который был в состоянии добраться сюда за сутки. Фото мы могли бы получить из Германии, но для этого нужно много времени. К тому же мы знаем, что этот разведчик мастер перевоплощения. А вы знали его лично? Наш запрос вашему руководству был именно таким: прислать человека, который лично встречался с Отто Тидеманом. Мы установили плотное наблюдение за связником, и нам повезло выйти на немецкого разведчика.

– Ну, так давайте приступим? – деликатно ушел от прямого ответа Сосновский.

Майор кивнул и вышел. Шелестов посмотрел американцу вслед, дождавшись, когда за тем закроется дверь, и сказал:

– А тебе не показалось, что он слишком много информации из тебя хотел выудить? И приставили к нам человека, который слишком хорошо знает русский язык. Изъясняется он сложно, понимает все, даже намеки.

– Я подумал об этом с самого начала, когда он нас встречал. При нем вообще общаться опасно. Тидеман работал до войны и в Советском Союзе, но не долго. Американцы вполне могут допускать, что мы его тогда перевербовали, а теперь они ищут косвенные подтверждения этому.

В комнате за стеклом началось движение. Вошли два здоровенных сержанта в армейской форме. Они осмотрели комнату, а затем замерли между стулом и окном. Сле-

дом двое в гражданской одежде завели в комнату арестованного. То, что он был арестованным, догадаться несложно. Отсутствие шнурков в ботинках, брючного ремня. Высокий мужчина с аккуратно зачесанными назад темно-русыми волосами, тонкими чертами лица вошел, придерживая брюки, и уселся на стул, закинув ногу на ногу. Сосновский его узнал. Михаил молча кивнул в ответ на вопросительный взгляд Шелестова.

Сосновский и Шелестов наблюдали за допросом минут двадцать, когда в комнату к ним наконец вошел Тернер. Майор уселся рядом с Михаилом и кивнул на стекло:

– Ну, что скажете? Каковы ваши выводы?

– Это Тидеман, – ответил Сосновский. – Я его хорошо и близко знал. Ошибки быть не может. Вот эта его манера ироничности. Вот так он наклоняет голову, чуть с прищуром смотрит, когда хочет показать, что суждения собеседника несостоятельны или свое скептическое отношение к ним. Вот это он сейчас и демонстрирует следователю.

– Еще какие-то характерные приметы, жесты, привычки?

– Послушайте, майор, он же разведчик, – усмехнулся Сосновский. – У разведчиков не бывает характерных примет и ярких, заметных привычек, по которым его можно опознать, выделить. Есть нюансы чисто поведенческого характера, которые невозможно истребить в себе до конца. Но если вы ждете привычки почесывать нос во время беседы или затылка в момент замешательства, то этого у Тидемана нет.

Знаете, как можно отличить одного человека от другого, даже если он наденет парик, изменит цвет глаз? Собаки отличают одного человека от другого по запаху, для них нет двух одинаковых запахов, он для них индивидуален. Вы хоть мешок на человека наденьте, она все равно узнает, кто там спрятан. Так и у людей. Только это визуальный запах, если так можно выразиться. Десятки мельчайших подробностей, индивидуальностей, что отличает мимику и жестикуляцию человека, интонационный окрас в разговоре.

– Ну, что же, я сообщу вашему руководству, что опознание произошло, – кивнул майор с озабоченным видом. – В любом случае ответ придет в Москву и вернется назад быстрее, чем вы долетите.

– В чем ваша озабоченность, майор? – спросил Шелестов. – У вас маловато доказательств шпионской деятельности Тидемана против Соединенных Штатов?

– Ну, почему же, – как-то не очень уверенно ответил майор. – Мы довольно удачно ухватили ниточку, которая вела к Тидеману, и начали ее тянуть и распутывать весь клубок. Хотя не скрою, было бы очень хорошо получить от вашего руководства сведения о работе Тидемана в вашей стране. Впрочем, вас это уже не должно задерживать. Через час самолет вылетит в направлении Аляски, а там на военном аэродроме вы пересядете на транспортный самолет с грузом, который отправится в Советский Союз по договору ленд-лиза.

Шелестов поблагодарил майора за любезность, но, как он и ожидал, просто так им с Сосновским улететь не удалось. Больше час Михаила обрабатывали и прямо, и косвенно, пытаясь выудить сведения. От Сосновского пытались добиться информации о его работе в Германии до войны, обстоятельствах знакомства с Отто Тидеманом, операциях, которые проводила советская разведка. Было очень трудно понять, где, в каком месте американцы перейдут черту от допустимого сотрудничества к откровенному шантажу и угрозам. Неизвестно, догадался Платов о том, что происходит с его оперативниками, или предполагал такое развитие событий, возможность давления на них. Возможно. Но и портить отношения, конфликтовать с разведкой пусть временных, но союзников он не хотел. Поэтому для подстраховки своих людей Платов организовал звонок и приезд советского консула из диппредставительства в Калифорнии. Сославшись на важные сообщения и неотложные дела, консул вывел оперативников из здания разведки. Американцы вежливо улыбались, подтверждая, что самолет ждет советских коллег для доставки их на Аляску.

– Можете не переживать, – спокойно заявил консул Шелестову. – На конфликт американская разведка не пойдет. То, что произошло, – обычная практика. Иногда она дает результаты. Просто американцы ничем не брезгают для достижения своих целей. На Аляске на авиабазе в Номе вас

встретит представитель АЛСИБа⁴. Разумеется, он сотрудник НКВД, так что вас там прикроют и подстрахуют от возможных неожиданностей.

Самолет мотало так, что казалось, у него скоро отвалятся крылья. Вот уже час, как налетевший шторм накрыл побережье Калифорнии. Шелестову очень хотелось узнать у пилотов, почему они не получили информации о надвигающемся фронте и почему не изменили курс. Хотя, наверное, я зря паникую, думал Максим. Наверняка ничего страшного не происходит. Все под контролем, и нашей машине этот шторм не страшен. Он посмотрел на Сосновского. Михаил откинулся в дюралевом кресле и сидел с закрытыми глазами. Неизвестно, дремал он или нет, но тревоги на его лице не было.

Самолет снова кинуло в сторону, страшная вибрация прошла по корпусу. Машина мгновенно провалилась куда-то. Да так, что желудок Шелестова мгновенно оказался в горле. Он машинально вцепился в свое кресло. Самолет, натужно гудя двигателями, снова полез вверх, он набирал высоту, но казалось, что в любой момент снова провалится в какую-нибудь воздушную яму. Что-то спрашивать у пилотов было, конечно, бесполезно. Ни Шелестов, ни Сосновский не знали английского языка, а пилоты вряд ли понимали по-

⁴ Воздушная трасса «Аляска–Сибирь», построенная в 1942 году для перегона самолетов и военных грузов по договору ленд-лиза. В качестве второстепенных задач по трассе выполнялась перевозка грузов, дипломатической почты, дипломатических работников.

русски или хотя бы по-немецки. Но пилот все же появился из кабины и, держась руками за стену, подошел к Шелестову. В руках американца была карта, и он старательно тыкал в нее пальцем, пытаясь что-то объяснить по-английски. Шелестов делал знаки, что не понимает. Но тут до него дошло главное – пилот показывал, видимо, что их сносит далеко на юг и юго-запад штормовым ветром.

– Сносит нас, далеко сносит! – крикнул Шелестову Сосновский. – Я так понял, что они не хотят терять топливо и направляются к Гавайским островам. Вообще-то запас у них был приличный, чтобы хватило для полета от Калифорнии до Аляски без посадки и дозаправки. У него под крыльями дополнительные топливные баки установлены.

– Ясно, что расход топлива будет диким, если стараться лететь против ветра, – согласился Шелестов. – Сдается мне, они толком сами не знают, где мы находимся сейчас.

Прошло не меньше трех часов. Шелестов смотрел в иллюминатор, но там, кроме облаков и изредка мелькавшего в разрыве солнца, ничего не было видно. Какая скорость у этого самолета, размышлял Максим, пусть километров триста в час. Его снесло в океан, и пилоты развернулись, чтобы по ветру дойти до Гавайских островов. Основных баков у транспортников обычно хватает на пару тысяч километров. Пусть у него запас топлива увеличен вдвое. Все равно баки сейчас у этой машины практически пустые.

Снова появившийся из кабины пилот подтвердил опасе-

ния Шелестова. Он стал делать знаки и торопливо говорить по-английски. Но понять его можно было и не зная языка. Он говорил об аварийной посадке и просил пристегнуться и закрыть голову руками. Шелестов глянул в иллюминатор. Облака стали реже, внизу мелькала водная гладь, а чуть левее впереди один или несколько островов. Он не успел рассмотреть, насколько это большие острова и есть ли признаки цивилизации, как самолет развернулся. Пилот ушел в кабину, а оперативники стали поспешно пристегиваться ремнями безопасности.

Брошенного мельком взгляда на острова не хватило, чтобы понять, какая там растительность. Или это просто голые скалы там, в волнах и туманной мгле рассеивающихся облаков, или все же они покрыты лесами, тропическими лесами. Но не только это беспокоило Максима. А найдут ли пилоты внизу подходящую площадку для посадки транспортного самолета. И тут правый двигатель сдал. Хорошо было слышно, как его обороты упали, звук стал прерывистым. Потом мотор чихнул и снова заработал, но облегчение в душе было временным. Двигатель снова замолчал, снова чихнул и окончательно перестал работать. Сейчас летчики сажали тяжелую машину на одном двигателе, и тяги его было маловато, чтобы управиться с самолетом.

Стиснув зубы и дюралевую раму кресла под собой, Шелестов закрыл глаза. Очень неприятно находиться в опасной для жизни ситуации, когда ты, лично ты ничего не мо-

жешь сделать, чтобы ее исправить, чтобы спастись. Самолет заваливался на один борт, потом выправлялся, выходил в какой-то странный вираж. То ли летчики не могли удержать машину на слабой тяге одного мотора, то ли они умудрялись выводить ее на какую-то площадку, на которой еще можно было как-то сесть. И тут замолчал второй двигатель.

– Ну, держись, Максим! – крикнул Сосновский и, наклонившись вперед, закрыл голову руками.

Шелестов последовал его примеру, но, наклонившись, почувствовал всем естеством, что самолет стал неуправляемым. Трудно это объяснить, но возникло ощущение, что самолет не падает вниз, а падает вперед и в сторону, его несет по какой-то дуге влево. Крылья еще дают какую-то поддержку, еще как-то опираются на воздух, действует еще на них подъемная сила, но по мере падения скорости машина перестает слушаться рулей. И сколько до земли неизвестно и что там внизу сейчас? Вода, скалы?

Удар был страшным. От неожиданности Шелестову показалось, что сейчас самолет разлетится в щепки, что его внутренности превратятся от такого удара в кашу. Привязные ремни резко впились в тело. Максим услышал плеск воды, потом брызги полетели ему в лицо, а ноги сразу по колено оказались в воде. В голове все перевернулось. В полубессознательном состоянии Шелестов умудрился расстегнуть замки ремней. Он сразу свалился в воду, уровень которой поднимался в самолете с заметной быстротой. Или самолет упал

на мелководье, или он держится на плаву и постепенно погружается в глубоком месте. Когда Максим упал в воду, когда влага охватила его лицо, попала в горло, заставляя кашлять, сознание немного прояснилось.

Сосновский висел на ремнях, на его лбу красовалась ссадина, и левый глаз заливала кровь. Спотыкаясь в воде о какие-то предметы, обломки, Шелестов добрался до напарника и, ломая ногти, умудрился расстегнуть его ремни. Со страшным треском фюзеляж самолета разломился, и хвостовая часть рухнула в воду. Оперативники полетели в воду. Шелестов, падая, старался удерживать Михаила так, чтобы его голова все же оставалась над поверхностью воды. Сам он погрузился с головой, вынырнул и снова приподнял бесчувственное тело друга.

– Миша, очнись! Очнись, Миша!

Воды было по грудь. Кажется, самолет больше не погружался. Сосновский застонал и открыл глаза. Шелестов снова стал его трясти, приводя в чувство. Он понимал, что не сможет тащить тело, потому что сам едва держался на ногах.

– Черт, мы живы! – криво усмехнулся Сосновский, хватаясь за плечо Шелестова. – Мы тонем? Где мы?

– Нет, самолет пока держится. Давай выбираться, Миша, вытащу тебя и посмотрю, что с пилотами.

Но посмотреть Шелестову не удалось. Да он и сам не знал, насколько у него хватит сил добраться до кабины самолета, открыть ее и вытащить летчиков. И когда они с Соснов-

ским выбрались через разрушенную часть фюзеляжа в районе оторвавшегося хвоста, то стало понятно, что кабина самолета находится под водой. Правого крыла с мотором не было. Видимо, его оторвало при падении. Сосновский держался на воде плохо, у него не было сил грести, и Шелестов решил дотащить Михаила до мелководья. Остров находился совсем рядом, всего в каких-то пятидесяти метрах. И когда Максим оттащил напарника от самолета, вдруг раздался страшный треск, кабина отвалилась и скрылась под водой, оставив на поверхности огромные пузыри от вырывающегося воздуха. Небольшая волна качнула тела оперативников. Шелестов торопливо греб к берегу, то и дело проверяя, не появилось ли дно под ногами.

Метров через десять дно появилось. Через минуту он дотащил Сосновского до мелкого места, где тот просто упал и лежал по грудь в воде, отдыхая. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Шелестов снова пошел в воду к тому месту, где исчезла под водой носовая часть самолета. Дно опустилось, и он поплыл. Около остатков фюзеляжа он снова сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и нырнул. Опустившись на пару метров и открыв глаза, Шелестов посмотрел вниз, и сердце его сжалось от жалости и боли. Американские пилоты не заслуживали такой ужасной смерти. Скорее всего, они были мертвы, они, скорее всего, погибли во время крушения. А сейчас носовая часть самолета медленно погружалась в темную пучину океана. Оказалось, что самолет

упал на самом краю мелководья, а дальше шел обрыв вниз, в темноту. Спасло Шелестова и Сосновского то, что во время удара об воду отломилось правое крыло и центр тяжести машины сместился влево. Было бы цело крыло, и весь самолет бы свалился вниз, в эту океанскую темноту.

Вынырнув, Шелестов поплыл к берегу. Сосновский уже самостоятельно поднялся и на четвереньках добрался до берега. Теперь он лежал на песке, согреваясь на солнце. Максим подплыл к берегу, долго шел, шатаясь от усталости, по колено в воде по мелководью, а потом упал, обессиленный, рядом с напарником, сгребая руками горячий песок. Михаил приподнялся на локтях и стал смотреть на остатки самолета.

– Все? – спросил он. – Вода им пухом?

– Там обрыв, – отозвался Шелестов, переворачиваясь на спину. – Чудом весь самолет не свалился в эту бездонную бездну. Еще несколько метров – и нам конец был бы всем.

– Жаль, ребят, – вздохнул Сосновский. – Главное, что и война тут ни при чем. Погибли. Нам бы теперь еще понять, куда нас занесло, есть ли здесь люди и как отсюда выбираться. Есть идеи?

– Есть, – подумав, ответил Шелестов. – Где-то мы южнее или юго-западнее Гавайских островов, где у американцев находится военно-морская база. Слишком бы было все похоже на чудо, если это Гавайи.

– Значит, какие-нибудь Филиппины, – вздохнул Соснов-

ский. – Помнится, что большая часть этого морского региона оккупирована Японией. Ну ладно, японцев пока не видно, а что мы имеем в позитиве? Тепло, не замерзнем. Деревья явно тропические, пальмы. Кокосы, банан! Уже неплохо, но желудком от такой еды пострадать придется. А вон те желтые с пупырышками – это, как мне кажется, хлебное дерево.

– Откуда такие познания, Миша? – удивился Шелестов, с кряхтением поднимаясь на ноги.

– Была у меня одна хорошая знакомая в Берлине, – тоже вставая с песка, ответил Сосновский. – Работала в Естественно-историческом музее. Ну и я... часто бывал у нее там. Так вот, сок плодов кокосовой пальмы может в какой-то мере заменить пресную воду, но только в какой-то мере. Нам, Максим, воду надо искать и укрытие от тропических ливней. Робинзонить придется.

– Нам не робинзонить надо, – недовольно возразил Шелестов, – а остров обследовать, людей найти. Может быть, тут туземцы живут. Хоть с голоду умереть не дадут. Постарайся найти общий язык, узнать о белых людях, как добратсья или как дать знать о себе.

– Туземцы? – хмыкнул Сосновский. – А если они людоеды?

– Да ладно! – буркнул Шелестов, с сомнением глядя на товарища. – Двадцатый век все-таки.

– У нас с тобой, но не у них, – пожал Сосновский плеча-

ми. – Слушай, а в самолете, мне показалось, был какой-то аварийный набор с аптечкой. И кажется, под задним сиденьем.

– А ведь точно, – оживился Шелестов. – Ты, Миша, посиди на берегу, ты слаб еще после удара головой. А я сплаваю. Эта часть фюзеляжа вроде крепко лежит на дне.

Глава 2

Эсминец «Оклахома» возвращался на остров Оаху с повреждениями машины. Учитывая близость японского флота, командующий группой американских кораблей, патрулировавших эту часть океана, не смог выделить эсминцу сопровождение. «Оклахома» шел на базу малым ходом на свой страх и риск. Особенно стоило опасаться японских подводных лодок, но пока плавание проходило без осложнений. Командир эсминца Питер Хоули усилил наблюдение за морем и постоянно держал в полной готовности все противолодочные силы своего судна. Именно это обстоятельство и позволило увидеть человека.

– Слева по курсу тридцать человек! – вдруг доложил один из матросов, наблюдавших за водной гладью. – Расстояние два кабельтовых. Вижу спасательный жилет.

Хоули, не уходящий с ходового мостика уже несколько часов, сразу же поднес к глазам бинокль. Поискав глазами объект, он и правда различил яркий спасательный жилет и голову человека. Несчастный не махал призывно рукой, не подавал никаких других знаков. Скорее всего, он был мертв. Одна из жертв нападения японских кораблей. Значит, японцы кого-то потопили в этом районе. Странно, что сообщение не прошло в эфире. Хотя, может быть, командование еще не узнало об этом происшествии. Сомнительно, но и та-

кое бывает, если повреждено радио у погибающего судна. Даже если моряк мертв, долг командира забрать тело, чтобы идентифицировать личность погибшего, установить принадлежность к конкретному судну.

– Самый малый вперед! – приказал Хоули. – Подготовить к спуску шлюпку...

То, что человек еще жив, капитану доложили сразу. А дальше спасенным завладел врач судна Юджин Дак. Хоули доложил командованию флота о происшествии, добавив, что обстоятельства уточняются. На базе в Пёрл-Харборе сразу ухватились за это сообщение. За последние двое суток два американских судна не выходили на связь, и теперь от Хоули с нетерпением ждали подробностей. Прошло больше часа, когда Дак поднялся на мостик сам. Высокий плечистый врач с круглым лысым черепом сразу заполнил помещение.

– Ну, что там? – капитан повернулся к врачу, ожидая, что тот сейчас безнадежно разведет руками и сообщит, что спасенный человек не приходит в себя и вообще умирает. Или умер.

– Все не так плохо, командир, – улыбнулся Дак. – Я привел парня в чувство. Он еще плох, но с ним можно разговаривать. Большею частью он еще бредит, но вопросы слышит и относительно адекватно реагирует. Пока действуют лекарства, с ним можно поговорить, сэр. И еще. Он русский.

– Русский? – снимая с шеи ремешок бинокля, Хоули замер. – Откуда здесь русские? Вы уверены, Дак? Хотя вы же

потомок русских эмигрантов, немного знаете язык.

Молодой мужчина лежал под простыней. Осунувшийся, давно не брившийся, с темными кругами под глазами и острыми скулами, он выглядел неважно. Но глаза этого человека горели каким-то странным огнем, неутолимой энергией. Русский то открывал глаза и что-то или кого-то искал взглядом, потом снова устало закрывал их и откидывался на подушку. Его лихорадило, хотя температура, как заявил врач, всего лишь чуть повышенная. Нет признаков простуды. Дак выступал в роли переводчика, продемонстрировав, что знает не несколько русских слов, а неплохо владеет языком своих русских предков. Видимо, он успел раньше убедить этого человека, что тот находится среди друзей, своих союзников. Что ему хотят помочь.

– Скажите еще раз, кто вы такой, как оказались в воде?

– Парамонов я, лейтенант Парамонов. Военный моряк. Японцы меня потопили, я не знаю, что стало с моим судном. Подлодка японская. Меня достали из воды и военврача Васильеву тоже. – Голос был хриплым, человек говорил отрывистыми фразами, каждый раз, судорожно сглатывая от волнения, он торопливо рассказывал, видимо, надеясь на помощь, на какие-то действия окружающих его людей.

– Не волнуйтесь, лейтенант, – похлопал спасенного по руке Дак. – Вы среди друзей, расскажите дальше для моего командира. Мы сообщим о вашем спасении русскому командованию.

– Да, да! – оживился Парамонов. – Нужно сообщить, непременно сообщить. Это остров, там держат пленников. Тропический остров, японцы. Они какие-то опыты ставят на людях. Нам чудом удалось бежать на катере. Я не знаю, что стало с другими. Наверное, меня ранило и я потерял сознание.

– Он не ранен, – врач повернулся к командиру. – Думаю, что это контузия или последствия от сотрясения мозга, от травмы головы. У него заметная гематома на затылке. Может, во время побега, о котором он рассказывает, и получил травму головы.

– Надо спасти этих людей, – стискивая руку врача, продолжал горячее говорить русский. – Нас в яме было шестеро. Но думаю, что есть и другие, там, в горе, в пещере. Там и американцы, и австралийцы. Один был латиноамериканец. Надо спасать, там Васильева осталась у них. Я должен помочь!

Парамонов откинулся на подушку, и его речь стала менее связанной. Он снова погрузился в горячечный бред. Дак посоветовал не мучить спасенного. Он постарается поставить его на ноги хоть в какой-то мере. Чтобы ко времени прибытия в Гонолулу русского могли допросить представители штаба. Возможно, этот Парамонов сможет дать больше сведений об этом острове и о том, что там происходит. Если, конечно, это все не бред воспаленного воображения.

Русский моряк впал в беспамятство, и Юджин Дак снова включил стерилизатор со шприцем. Крепкий парень, думал

врач, сердце у него молотит, как добротный мотор. А значит, идет питание всего организма, и все эти обмороки и потери памяти лишь временное нарушение сигналов, электрических импульсов в коре головного мозга. Мало еще мы знаем о мозге, но этому парню точно еще рановато уходить в иной мир. Выкарабкается.

И Парамонов карабкался, будто лез в гору, цепляясь пальцами за острые края скалы, подтягивался из последних сил и лез дальше. Он не мог иначе, потому что там, на острове, осталась Галина. Он не успел пробиться к ней, Вячеслав вообще не собирался бежать с острова без Васильевой. Он хотел ее вытащить, спасти, а потом... Что потом, неизвестно, да и не думал об этом лейтенант. Сейчас его долг был в том, чтобы спасти женщину, и он ринулся туда, где, как ему казалось, находилась пещера с лабораториями.

Каким-то чудом этому крепкому австралийцу удалось перерезать, перетереть лиану, которой была связана решетка из жердей. Парамонов лишь увидел, что австралиец и два американца шепчутся о чем-то, а потом, когда охранник ушел, двое пленников держали на плечах третьего, который чем-то перетирал жгут из растительных волокон. Им удалось раздвинуть четыре жерди, и тогда один из пленников высунул голову и убедился, что рядом нет охранников.

Из восьми пленников в этой яме только четверо могли драться. Парамонов, успевший заметить у берега с деревянным пирсом большой моторный катер, стал знаками пока-

зывать своим товарищам, используя несколько английских морских терминов, которые знал. Американцы его поняли. Один за другим пленники выползали из ямы и откатывались к кустам. Последними вытянули раненых и ослабших. Вячеслав уже прикидывал, как подобраться к входу в пещеру, закрытую маскировочной сеткой. Единственным оружием был камень. Ударить в голову, в лицо, отобрать автомат – и внутрь, стрелять и рваться дальше, искать Галину. Что будет потом, не важно, главное – найти. Он понимал, какой ужас может испытывать женщина в ее положении. В одиночестве, в лапах беспощадного жесткого врага. Американцы что-то говорили, намекали на что-то медицинское. Но, как понял лейтенант, это не госпиталь, а после того, как один из них щепкой написал на песке под ногами три цифры – 731, Парамонов все понял.

Об отряде 731 он слышал от руководства, от замполита дивизиона. Это подразделение японской армии имело в распоряжении лаборатории и неограниченное количество подопытного человеческого материала в оккупированном Китае. Материала для исследований в области вирусологии. Это подразделение создавало бактериологическое оружие. Были и другие подразделения, лаборатории, имевшие не менее бесчеловечные цели⁵. И Парамонов хотел любой ценой

⁵ Отряд 731 проводил исследования в области создания бактериологического оружия. Основное место расположения – в пригородах Харбина (Китай). Отряд 516 официально именовался как «Отряд 516 Химического управления Квантунской армии». Располагался в Цицикаре (Китай). Отряд 100 – исследование в об-

вытащить отсюда Галину.

Лейтенанту удалось первым завладеть оружием, оглушив японского солдата. Когда в его руках оказалась винтовка, Парамонов почувствовал, что у него как будто даже прибавилось сил. Стащив с убитого пояс с патронными подсумками, Вячеслав открыл огонь по сбежавшимся отовсюду солдатам. Упал сраженный пулей американский сержант, австралийца ранили в ногу, и он, отстреливаясь из чьего-то пистолета, отползал по песку к воде. Второй американец уже заводил мотор катера. Освободившиеся узники что-то кричали Парамонову по-английски, но он не понимал, да и не слушал никого. А потом в глазах полыхнуло огнем, от сильного удара Парамонов полетел в темноту. Или граната взорвалась, или еще что-то. Этого лейтенант не знал и не помнил. Он очнулся уже в катере, в полном одиночестве. Вокруг был бескрайний океан, мотор катера не работал. То ли заглох от повреждения пулей, то ли закончилось горючее. Хуже всего было то, что катер набирал воду через пробоину в днище. Парамонов с трудом, то и дело теряя сознание, надел спасательный жилет, валявшийся в катере. Потом, видимо, суденышко затонуло, а он оказался в воде. Как он попал в катер, почему был один, оставалось лишь догадываться. Видимо, беглецы уложили его, потерявшего сознание, в катер, а сами не успели в него запрыгнуть, а может, кто-то и успел,

ласти бактериологического оружия для заражения скота и прежде всего лошадей. Место расположения – Синьцзин (Китай).

но был убит преследователями и свалился в воду. Возможно, что по этой причине японцы и не стали преследовать катер, полагая, что в нем никого нет. Они не увидели лежавшего на дне русского лейтенанта. Все надежды беглеца были связаны с тем, что его катер несет межпассатным противотечением в сторону Америки. Насколько он помнил распределение течений по широтам. Хуже, если его захватит пассатным течением и понесет на запад. Прямо в лапы японцев, оккупировавших большую часть Полинезии. Когда затонул катер и Парамонов очутился в воде, надеяться ему было уже не на что.

Берия выслушал Платова спокойно. Когда комиссар государственной безопасности закончил доклад об обстоятельствах исчезновения самолета, на борту которого находились Шелестов и Сосновский, Лаврентий Павлович встал из-за своего рабочего стола и подошел к окну кабинета. За окном разгорался рассвет. Посветлевшее небо окрасилось первыми лучами солнца, блеснули слезинками московские крыши, влажные после ночного дождя.

– Ты уверен, что это не американцы подстроили исчезновение самолета, захватив наших людей?

Вопрос был, скорее всего, риторический. Берия сам распорядился отправить Сосновского в Калифорнию. Да еще не одного, а вместе с Шелестовым. Он прекрасно знал, что американцы способны на какую-то выходку, здраво оценивал обстановку. Ленд-лиз, союзнические отношения –

это одно. А работа разведки – это зачастую совсем другое. И если к ним прибыл представитель советской разведки, который лично знал немецкого разведчика Отто Тидемана, то у американцев вполне могло появиться желание вытрясти из Сосновского побольше информации и о немце, его работе и советских операциях. Риторический. Но Платов счел необходимым все же высказать свое мнение.

– Считаю, что происшествие действительно имело место, Лаврентий Павлович. Если бы американцы решили захватить наших людей, они бы использовали непроверяемую легенду. В данном случае мы имеем сведения о типе самолета, бортовом номере, маршруте полета. В течение суток мы будем иметь подтверждение от наших людей в США о том, взлетал ли этот борт, садились ли в него пассажиры, соответствующие указанному словесному портрету. У нас будут подтверждения переговоров в эфире диспетчеров и аварийного борта. Синоптики уже подтвердили прохождение штормового фронта на западе Калифорнии. Жертвовать пилотами, самолетом, репутацией. Наши люди в их глазах не стоили таких затрат. Это слишком даже для разведки.

– Хорошо, отправь командованию Тихоокеанского флота от моего имени просьбу организовать поиски между Сахалином и Аляской. Обломки самолета, надувной плот, спасательные жилеты.

– Вы думаете, что самолет все же выдержал курс? – спросил Платов с сомнением. – Я справлялся у летчиков.

При мощности двигателей «дугласа» и той скорости ветра, что дул у берегов Калифорнии, ему было не вытянуть. Но вы правы, Лаврентий Павлович. Будем стараться учесть все варианты, даже невозможные. Можно послать в тот район наше судно, но это не даст результатов. Не зная места падения хотя бы с точностью до морской мили, искать в открытом океане бесполезно. Тем более что наш корабль с Сахалина придет туда не раньше чем через трое суток. Капоковый спасательный жилет дает возможность продержаться на воде несколько часов, потом он пропитывается водой и не держит человека на поверхности.

– Собери всю подтверждающую информацию о маршруте пропавшего самолета и вообще об этом рейсе, – хмуро приказал Берия. – Запроси наше консульство в Сан-Франциско. Обо всех результатах поиска докладывай мне немедленно. Американцы, я уверен, будут искать свой самолет.

– Слушаюсь, – кивнул Платов. – Я отправил запрос Ширшову в Наркомфлот. Возможно, у них в данный момент есть какие-то суда в том районе.

Гидрологическое судно «Профессор Молчанов» находилось в океане уже второй месяц. В задачу судна входили не только наблюдения за течениями, физико-химическими характеристиками вод Мирового океана. Экипаж из состава ученых вел и метеорологические наблюдения. Обычная работа одного из судов всей системы наблюдения за атмосфе-

рой и прогноза погоды. Тысячи синоптических станций, точек получения характеристик помогали оценивать скорость и свойство воздушных масс, прогнозировать изменения погоды. А это важно и для авиации, в том числе и военной, и для судов страны. Эти работы велись постоянно и в мирное время, продолжались они вестись и во время войны.

По договору между странами «Профессор Молчанов» имел право заходить в Гонолулу для пополнения топлива, пресной воды, провизии. И сегодня капитан Груздев нанес визит начальнику порта Майклу Уилкеру, которого знал много лет еще по службе в торговом флоте.

– О, Иаков! Рад тебя видеть. – Большой, грузный Уилкер пошел навстречу гостю, протягивая руку. Имя Яков он выговаривал на английский манер – Иаков.

– Где твоя прежняя стройность, Майки? – улыбнулся Груздев, пожимая американцу руку.

– Да, да! – рассмеялся Уилкер. – Мы не молодеем. А ты все ловишь ветра и морские течения в свои сети? И как? Твои предсказания погоды подтверждаются? Проходи, выпьем с тобой виски, как раньше.

– Я не предсказываю погоду, Майк, – принимая приглашение и усаживаясь в глубокое кресло, ответил Груздев. – Я только вожу это судно и отвечаю за два десятка ученых на борту. Сейчас вот заправлюсь у тебя – и снова в море.

– Как идет загрузка? Все в порядке, Иаков? – приподнимая стакан с коричневой жидкостью, спросил американец.

– Все в порядке, Майк, – отпив глоток виски, улыбнулся Груздев. – В твоём хозяйстве всегда порядок, старый морской волк. А как у тебя дома, как Мэри?

– Старушка Мэри дома, увлеклась разведением цветов. У нас ведь есть дом на берегу, откуда видно море. Ты все обещаешь выбраться и навестить мой дом, Иаков. Понимаю, сейчас тебе некогда, страшная война на твоей земле.

– Ты прав, дружище, – серьезно кивнул русский. – И на моей земле, и вокруг. Кстати, ты ничего не слышал по своим каналам? Как идут поиски пропавшего «дугласа», который унесло штормом на запад?

– С двумя русскими на борту? Нет, мне ничего не известно, да и можно ли найти упавший в океан самолет. Ты сам не хуже моего знаешь, что найти кого-то в такой ситуации – скорее чудо, чем удача. Хотя наш эсминец вернулся из патрулирования и привез какого-то русского. Говорят, моряк, хотя я не уверен. Может, это один из тех, кто был на самолете?

– Русский? – оживился Груздев и поставил на стол недопитый стакан.

– Так говорят, – пожал плечами американец.

– Майкл, мне нужна машина! – Груздев рывком поднялся и схватил со стола свою фуражку.

– Я дам тебе машину, друг, – заверил Уилкер. – Но спасенный человек находится в военном госпитале. Тебя туда не пустят. Мне надо переговорить с кем-нибудь, чтобы до-

стать тебе пропуск. Сядь, я все устрою...

Уилкер сам отвез Груздева в госпиталь на служебном автомобиле. Добродушно улыбаясь, раздавая направо и налево улыбки и шуточки, грузный начальник порта вел русского капитана по госпитальным коридорам. Перекинувшись несколькими словами с доктором, он потащил Груздева в сторону небольшой отдельной палаты в дальнем крыле. Доктор что-то ворчал себе под нос, еле успевая за Уилкером. Наконец распахнулась дверь и все трое ввалились в палату, сразу заполнив ее. Хотя для этого достаточно было габаритов только одного начальника порта. Придерживая на груди больничный халат, у окна стоял худощавый высокий мужчина. На звук голосов и открывающейся двери он обернулся, пробежал глазами по лицам визитеров и сразу же уставился на Груздева, узнав форму гражданского морфлота. В пустых глазах этого человека сразу засветилась какая-то надежда.

– Здравствуйте, – капитан подошел к мужчине, протянул ему руку и представился: – Груздев Яков Сергеевич, капитан гидрологического исследовательского судна «Профессор Молчанов».

– Яков Сергеевич! – Мужчина схватил руку капитана и стал ее тряссти, вглядываясь в глаза гостя и пытаясь там разглядеть свою судьбу. – Наконец-то хоть кто-то свой! Парамонов я, лейтенант Парамонов, командир малого «охотника».

– Ну-ну, лейтенант. – Груздев почувствовал волнение ра-

неного, обнял его за плечи и усадил на кровать. Сам он сел рядом и выразительно посмотрел на доктора. Тот, махнув рукой, вышел, а Уилкер уселся на больничный стул, подпер щеку кулаком и стал с умилением смотреть на двух русских.

– Я возвращался с патрулирования водного района, когда был атакован японской подлодкой, товарищ Груздев. Меня и военврача Васильеву японцы вытащили из воды и доставили на какой-то незнакомый остров. Там я был посажен в яму вместе с другими пленниками. Нам удалось бежать на катере, он дал течь, и я снова оказался в воде. Потом меня спасли американцы. Я все это пересказывал, и то, что на острове в плену есть и американцы, и австралийцы, и китайцы. Там у японцев какая-то лаборатория. Опыты они ставят над людьми. Я все рассказал американцам, но результат мне неизвестен. Я не знаю, предприняли они попытки поиска этого острова или нет. Товарищ Груздев, надо срочно сообщить нашему командованию.

– Я сообщу, лейтенант, конечно, сообщу! – пообещал Груздев. – Скажите, а вам что-то известно об американском транспортном самолете, который мог упасть в океане или очутиться на таком же вот острове? Недавно пропал самолет, на котором летели два советских офицера. И самолет, и пассажиры пропали без вести где-то в том же районе, где вас и выловили американцы.

– Нет, не слышал, товарищ Груздев. Но это вполне возможно.

– Возможно, – задумчиво согласился капитан. – Полинезия – обширный район, там множество островов. Ладно, а вы как себя чувствуете, Парамонов? Как ваше здоровье, нуждается ли в чем?

– Я чувствую себя хорошо, – уверенно заявил лейтенант. – Готов снова приступить к своим прямым обязанностям. Я прошу вас, товарищ Груздев, сообщите обо мне командованию флота. Мне срочно нужно вернуться.

– Вы вот что, Парамонов, – капитан похлопал молодого человека по плечу, – лежите, поправляйтесь. Я по радио свяжусь со своим руководством, доложу обстановку, о вас доложу. Как только мне ответят, как только «дома» примут решение, я вам сразу же сообщу. Я бы вас забрал на судно к себе, но вы военный человек, на ваш счет у командования могут быть свои соображения. Скорее всего, будут предприняты меры по возвращению вас на Родину. Мне еще месяц болтаться по Тихому океану, у меня своя задача.

– Товарищ Груздев, понимаете, там, на острове, осталась военврач Галина Васильева. Меня, оглушенного, беглецы в катер положили. Я бы с ними не поплыл, я хотел Васильеву спасти. И теперь я здесь, а она там.

– Возьмите себя в руки, вы же военный моряк, Парамонов. – Груздев сжал сильными пальцами плечо лейтенанта. – Война, идет война. А на войне случается всякое. Наша первостепенная задача выполнять свой долг перед Родиной там, где она нас поставила, выполнять приказ – наша за-

дача. Все теряют близких людей, товарищей теряют.

Вернувшись на борт судна, Груздев первым делом отправился в радиорубку. Во Владивостоке к его сообщению отнеслись странно. Выслушав краткий доклад о лейтенанте Парамонове и о том, что новых сведений о пропавшем самолете и его пассажирах нет, Груздеву приказали срочно составить подробную шифрорадиограмму и ждать на рейде в Гонолулу. Через два часа пришла зашифрованная радиограмма с ответом. Капитану Груздеву и руководителю гидрологической экспедиции Карпенко ждать прибытия самолета и двух офицеров центрального аппарата НКВД. Капитану и экипажу выполнять все приказы прибывших. Основная задача – поиск острова, на который японской подлодкой был доставлен лейтенант Парамонов и военврач Васильева. Лейтенанта Парамонова привлечь к поиску.

– Прочитал, Павел Васильевич? – Груздев, попыхивая короткой морской трубкой, смотрел на сидевшего напротив немолодого лысеющего человека с окладистой бородой.

Солнце пробивалось сквозь занавеску на иллюминаторе, в каюту задувал ароматный соленый воздух. На рейде было тихо, только на судне жизнь шла своим обычным чередом: за стенами каюты поскрипывали снасти, кричали чайки да матросы, драившие палубу, покрикивали друг на друга и смеялись старым затертым морским байкам. Руководитель экспедиции Карпенко нравился Груздеву тем, что в молодости тоже служил на флоте. Была в нем морская жилка.

И сейчас предстояло обсудить многое. Ведь на борту ученые и экипаж. Военных людей нет, хотя многие служили в молодости в армии, умели держать в руках оружие. Но как такового оружия на борту было мало, тем более тяжелого вооружения в виде пушек и пулеметов. Все-таки «Профессор Молчанов» был исследовательским судном. А несколько карабинов и пистолетов на борту держались как средство защиты экипажа и ученых в случае крайней необходимости.

– Значит, программа исследований побоку, – вздохнул Карпенко, достал из кармана носовой платок и принялся промакивать вспотевшую лысину.

– Я не думаю, Павел Васильевич, что отсутствие показаний ваших приборов настолько уж сильно повлияет на прогнозы погоды, – заметил Груздев.

– Да перестань ты, Яков, – отмахнулся ученый. – Я что, не понимаю! Война, и все мы солдаты, и все мы исполняем свой долг перед Родиной. Куда прикажет, туда и пойдем. Просто и ты меня должен понять. Я делал то, что хорошо умею, что знаю, и от меня максимальная польза была здесь, в этом качестве. А теперь что? Ты можешь как капитан судна, не сомневаться, что все мы, вся наша научная группа выполнит все, что от нас может потребоваться. Даже умереть... Просто здесь лучше всего справились бы военные моряки, какая-нибудь морская пехота.

– Нет здесь военных моряков, нет здесь никакой морской пехоты, – хмуро отозвался Груздев и глубоко затянул-

ся своей трубкой, окутавшись душистым табачным дымом. – И американцы что-то не очень настроены искать этот остров, спасти своих соотечественников. Ведь известно же о страшных опытах и исследованиях японских милитаристов. А у американцев и флот есть, и морская пехота. Они могли бы проверить такую спасательную операцию, но не спешат. Значит, мир спасти нам с тобой, Павел Васильевич.

– Ну, что же! – Ученый решительно встал, одернул свою гражданскую потрепанную курточку. – Пойду поставлю задачу коллективу, объясню ситуацию. Можешь не сомневаться, трусов у нас нет. Солдаты науки могут стать и солдатами на поле боя.

Ссадину на голове Сосновский перевязал рукавом, оторванным от рубашки. И теперь он был похож на морского разбойника. Особенно пиратское выражение лицу придавал его припухший глаз. Сидя на вершине горы, на которую они с Шелестовым поднимались около двух часов, Сосновский задумчиво осматривал остров. Увы, именно остров, хотя оперативники в глубине души надеялись, что это все же Америка, или Австралия, или Новая Гвинея, хотя вряд ли самолет могло унести штормовым ветром так далеко на юго-запад. Три тысячи километров еще реально, тем более что пилоты решили не бороться с ветром, который сносил их в океан, а использовать его как попутный и попытаться дотянуть до Гавайских островов. Вопрос в другом: Гавайи это

или не Гавайи?

– Ну, этого и следовало ожидать, – подвел итог Шелестов, вытряхивая из ботинка мелкие камешки. – На материк надеяться было бы глупо, а вот то, что признаков жилья мы не видим даже с такого наблюдательного пункта, это обидно.

– Успокаивай себя тем, что жилье может оказаться японским, – посоветовал Сосновский. – И сразу станет не так обидно. Воду надо искать и хоть какую-то крышу над головой устраивать. В тропиках часто идут дожди. Кстати, этот циклон, или как его там назвать, и здесь прошел. Мокрые леса, лужи в ямках и выбоинах скал. Если четыре слоя ткани, то пить можно из такой ямки и через рубашку. Но лучше искать источник.

– Вон, – Шелестов уверенно показал рукой в сторону левого побережья острова. – Мне кажется, там небольшой водопад. Я мало что понимаю в природных процессах, но кажется мне, что водопады солеными не бывают. Значит, здесь есть выход подземных пресных вод. А может, даже какое-то небольшое озерцо, из которого стекает эта вода.

– Ну, пошли! – Сосновский поднялся с камня и подобрал свою палку, на которую опирался во время пути. – К останкам самолета нам возвращаться нет смысла. Нет никакой гарантии, что здесь часто ходят суда. А вот то, что во время ближайшего шторма его вообще унесет и утопит, есть. А около воды можно обосноваться, а оттуда устраивать исследовательские маршруты. Ну, не верится мне, что тут нет

вообще никакой рыбацкой деревушки. Остров-то большой.

Шелестов поправил на плече ремень аварийного контейнера, который они забрали из самолета, и двинулся к спуску. Михаил, чуть прихрамывая, шел следом, философствуя о том, что всегда, еще с детства, мечтал оказаться на необитаемом острове и какие необыкновенные впечатления и ощущения сулит такое приключение. По его мнению, каждый мальчишка, читавший о Робинзоне Крузо или хотя бы зачитывавшийся книжками про индейцев, просто обязан мечтать о таких вот приключениях и стремиться к ним. Мысль о том, что тебя могу, вообще никогда не спасти или спасти лишь через много-много лет, должна формировать в юноше мужчину. Выбатывать в нем мужество, умение стойко переносить тяготы и лишения.

Примерно через час они спустились к берегу. Водопад был совсем небольшим, но это была пресная вода, и Шелестов с Сосновским разделись и с наслаждением смыли с себя морскую соль. Потом Максим умудрился снять с пальмы несколько гроздьев бананов, и они с Сосновским лежали в тени, уставшие, относительно сытые, напившиеся. Михаил показал пальцем в сторону скал:

– А вот и решение проблемы крыши над головой. Смотри, вон там за пальмами дыра. Это же пещера. Теперь нам с тобой дождь как минимум не страшен. Пошли, обследуем ее.

Шелестов стал одеваться, стряхнул песок со своего пистолета, сунул его в карман. Сосновский тоже осматривал свое

оружие.

– Вот и я о том же, – понял мысли напарника Максим. – Оружие полагается чистить. Тем более после того как оно побывало в воде. Насчет японцев пока не знаю, а вот хищники здесь могут оказаться весьма некстати. Что тебе там, в Берлине, говорила знакомая из естественно-исторического музея? Водятся на островах хищники?

– Если остров недавно был частью материка, то конечно, – отозвался Сосновский. – А если остров всегда был островом, то, кроме птиц и морских черепах, сюда никто попасть не может. Не в кого нам с тобой тут стрелять. Кроме, конечно, двуногих хищников, которые могут приплыть на корабле. Так что давай-ка мы будем вести себя на всякий случай осторожно. И...

Михаил вдруг замер на месте. А потом повернулся к напарнику и посмотрел ему в глаза взглядом, полным скорби. Шелестов испуганно уставился на Сосновского, глядя, как тот медленно сует руку в карман и вынимает оттуда зажигалку. Максим сразу все понял. И про зажигалку Михаила, и про свои спички в кармане. Участь от пребывания в воде у всех была одна и та же. Огня у них теперь нет.

Спустившись по лесенке из чрева самолета на горячий бетон, Коган поставил чемодан и, сняв с головы летнюю шляпу, стал обмахиваться. Рубашка с коротким рукавом, тонкие льняные брюки, белые ботинки. Следом из самолета спу-

стился Буторин в светлой летней паре. На пассажиров транспортного средства никто не обращал внимания – типичные гражданские, какие-нибудь мелкие чиновники или ученые, инженеры. Собственно, под видом ученых-гидрологов Буторин с Коганом и прилетели в Сан-Франциско, а потом оттуда военным самолетом по просьбе советского правительства в Голландию.

Метрах в ста от летного поля стояла большая светлая автомашина. Двое мужчин спешили к самолету, один был в форме моряка гражданского морского флота. Коган посмотрел на мужчин, прищурившись, и удовлетворенно кивнул.

– Наши. Судя по фотографиям, которые нам показывали во Владивостоке, это капитан Груздев и руководитель научной группы Карпенко.

Никого из американцев поблизости не было, пилоты о чем-то разговаривали с техниками аэродрома под правым двигателем самолета. Подошедшие мужчины пожали руки гостям, и Груздев, внимательно вглядываясь в их лица, представился, представив и Карпенко.

– Прошу простить, товарищи, – строго сказал капитан, но хотелось бы взглянуть на ваши документы.

Переглянувшись, оперативники полезли в карманы и протянули каждый свое служебное удостоверение. Сотрудников Института океанологии.

– Майор госбезопасности Буторин, – тихо представился Виктор. – Мой коллега – майор госбезопасности Коган.

– Ну, что же, – Груздев вернул удостоверения, – рад приветствовать вас здесь, товарищи. Мне приказано поступить в ваше полное распоряжение вместе с судном, экипажем и товарищами учеными на борту. Приказано продолжать создавать видимость исследовательской работы.

– Мне кажется, вы чем-то недовольны, Яков Сергеевич? – спросил Коган, посмотрев капитану в глаза.

– Просто беспокойство, товарищ майор госбезопасности, – покачал Груздев головой. – Люд на борту сплошь гражданский, судно наше не имеет вооружения, а задачи выполнять, как мне кажется, придется боевые. Трусов на борту нет, но опыта у большинства очень мало.

– Спасибо за честный ответ, капитан, – усмехнулся Коган. – Да только я должен вас поправить. Боевой задачи судну и экипажу не ставится. Пока не ставится. Это будет очень плохая работа, если нам придется с вашим судном переходить к задачам боевым. Поняли меня? Действовать придется нам вдвоем с Буториным, а вы лишь прикрытие. Но если придется, будем надеяться, что и ваши товарищи не подведут. Война ведь, всякое может случиться во время плавания.

Парамонов очень обрадовался, когда к нему заявили Груздев и незнакомый мужчина, оказавшийся тоже русским.

– Знакомьтесь, это Виктор Алексеевич Буторин, – представил Груздев гостя. – А это лейтенант нашего военного флота Парамонов.

– Ну, как вы тут? – поинтересовался Буторин, осматриваясь в палате. – Уход нормальный? Как питание?

– Нормально, как на курорте я тут живу! – с неожиданным раздражением воскликнул Парамонов. – Вы вон у Якова Сергеевича спросите, он вам расскажет. Здоров я, совсем здоров, а американцы не выпускают меня!

– Ну, отдых лишним никогда не бывает, – улыбнулся Буторин и уселся на больничный стул лицом к лейтенанту. – Скажите, Парамонов, а американцы вас допрашивали? Вопросы вам задавали про тот остров, с которого вы бежали?

– Конечно, как в себя пришел, как только голос восстановился, горло прошло маленько после соленой воды, так и повадились ходить и выяснять. Я сначала обрадовался, думал, что они экспедицию туда хотят организовать, десант высадить готовятся. Хотел с ними попроситься, а у них кроме разговоров ничего и не было больше. Хотя... может, я не знаю, может, они кого и отправили искать этот остров.

– Вот, значит, как! – Буторин в задумчивости пригладил седой ежик своих волос. – Любопытно. Американцы, стало быть, знают об этом острове все то же, что и мы. Это меняет дело.

– Прошу прощения, а вы кто такой? – насторожился Парамонов.

Груздев хотел было представить Буторина, но тот махнул рукой и представился сам, наблюдая за реакцией военного моряка:

– Майор госбезопасности Буторин. Прислан сюда, чтобы, используя исследовательское судно «Профессор Молчанов», произвести поиски вашего загадочного острова.

– Товарищ майор госбезопасности! – Парамонов вытянулся, прижав руки к бедрам, как и положено делать, принимая положение по стойке «смирно». – Я прошу привлечь меня к поискам. Считаю, что я обладаю необходимой информацией и достаточным военным опытом, чтобы оказаться полезным для этой экспедиции.

– Вольно, лейтенант, – усмехнулся Буторин. – Кто бы сомневался! А ты думаешь, что я приехал с Груздевым, чтобы справиться о твоей температуре? Или узнать, нет ли у тебя проблем со стулом? Идешь с нами, покажешь нам, где его искать, а на месте разберемся, что делать дальше. Яков Сергеевич, пригласите доктора, скажите, что мы забираем гражданина Советского Союза на борт советского судна и благодарим американских друзей за посильную помощь.

Майкл Уилкер вел себя странно. Он долго и пространно убеждал русских гостей выпить с ним освежающего напитка, выкурить по гаванской сигаре. Буторин не подавал вида, что его просто бесит поведение этого грузного американца, который не так давно в его же присутствии клялся Груздеву в вечной дружбе, спаянной морскими волнами, дружбе двух морских волков, которой уже очень много лет. Груздев тоже понял, что начальник порта что-то темнит. Ведь русские

пришли попрощаться с Уилкером, просто жест вежливости. И ждали они от Уилкера лишь разрешение на выход в море. Наконец все разъяснилось. В кабинет вошел высокий худощавый американец с седыми висками и тонкими нервными пальцами рук. Американец бросил свою шляпу на стул возле двери и подошел к русским. Жизнерадостно улыбаясь, он протянул руку и представился:

– Майор Тернер, господа, к вашим услугам!

Сразу появилось ощущение, что начальник порта тянул время и ждал именно этого человека. И сейчас все разъяснится. Видимо, будут поставлены какие-то условия или предъявлены требования. Буторин внутренне чертыхнулся. Не воевать же с американским флотом, пытаюсь прорваться на рейд. Да и с чем прорываться? Глупости, конечно, но придется выслушать этого типа. Майор? Ясно, что не флотский майор, иначе бы он был в форме. Какие майоры ходят в гражданской одежде? Буторин и сам был в гражданском. И для американцев их приезд с Коганом, скорее всего, не был чем-то секретным или непонятным. Прекрасно поняли эти бравые ребята, кто и что здесь.

– Рад познакомиться, – пожимая руку Тернеру, ответил Виктор и кивнул Груздеву, чтобы тот переводил на английский. – Майор государственной безопасности Буторин. Я так понимаю, что мы загостились здесь по одной причине – ждали вас. Мы вас слушаем, майор.

Тернер внимательно посмотрел на Буторина. Но ситу-

ацию он не оценивал, видимо, все решено было заранее и не им самим. Визит этого человека нужен был для передачи решения, для того чтобы поставить русским условия. Это несколько успокаивало. Не хватало еще именно сейчас влезать в какую-то торговлю или дележку. Тернер закурил, деликатно выпустил струю дыма в сторону от русских гостей и неожиданно заговорил по-русски:

– Вы не станете отрицать, майор, и вы, господин Груздев, что американская сторона крайне заинтересована в том, чтобы найти этот остров, о котором говорил ваш молодой лейтенант в госпитале. Ведь мы его спасли в море, когда он плавал лишь в одном спасательном жилете.

– Мы вам, безусловно, благодарны за спасение нашего товарища, – тут же отозвался Буторин, стараясь не подавать вида, что удивлен знанием русского языка этим майором Тернером. – Мы были уверены, что вы отправите свои военные корабли на поиски.

– Мы примем меры, можете не сомневаться, – ушел от ответа американец. – Это в наших интересах, потому что этот остров не так уж и далеко по географическим меркам от Гавайских островов, от нашей военно-морской базы. По рассказам вашего лейтенанта, на острове содержатся в том числе и американцы.

– Мы рады, что американское командование принимает такие решения, – кивнул Буторин. – Видимо, эти ваши заверения были единственной причиной, по которой господин

Уилкер задержал нас, не давая выйти в море.

– Вы забрали из госпиталя лейтенанта Парамонова, – констатировал Тернер, не отреагировав на попытку Буторина закончить разговор и расстаться. – Мы могли бы переправить его на Аляску, а оттуда и в Советский Союз.

– Вы уже однажды отправили двух наших офицеров таким же образом, но самолет исчез, – напомнил Буторин, поглядывая на Груздева, который переводил взгляд с одного собеседника на другого и чувствовал себя весьма неуютно.

– Совершенно верно, – согласился Тернер. – Пропал самолет ВВС США с двумя членами экипажа и двумя русскими пассажирами. Разумеется, мы приняли меры к поиску самолета.

– Поэтому мы решили, что нашему моряку будет спокойнее на борту советского корабля, который по международному праву считается частью территории страны, под флагом которой он ходит.

– Конечно, конечно! – Тернер картинно поднял руки, как будто у него и в мыслях не было возражать и препятствовать. – Но я думаю, что вы преследовали и другую цель. Вы собрались на судне «Профессор Молчанов» разыскивать тот же самый остров. Не нужно возражений. Если мои слова прозвучали как вопрос, то вопрос этот чисто риторический, майор. Я просил задержать вас до моего приезда, чтобы сообщить вам одну новость. Ваше судно выйдет из порта только при соблюдении одного маленького условия. Вы возьме-

те на борт американского офицера, который вместе с вами будет принимать участие в поисках. Соглашайтесь, майор, ведь присутствие на борту нашего человека снимет большую часть проблем при встрече в океане с американскими военными судами. Вы пойдете в места, которые являются театром морских военных действий. И я хочу вам помочь.

Буторин слушал, не возражая. Видимо, иного выхода нет. А кое-что в словах Тернера было правдой. Американец на борту, да еще с полномочиями от военной разведки может помочь, если судно захотят остановить американцы. Правда, они могут их остановить и по просьбе этого же самого американского офицера на борту. Но когда существует главное условие для выхода «Профессора Молчанова» из порта, то возражать не стоит.

Глава 3

Костер давно погас. Максим вспомнил, какое облегчение они испытали, запаниковав в самом начале, когда поняли, что окончательно испортили в воде и спички, и зажигалку. Но потом сообразили, что в аварийном наборе, который они захватили из самолета, должны быть обязательно средства для разжигания костра. И там действительно нашлись спички, причем термитные, которые загораются и уверенно горят на ветру. И они были запаяны воском в нескольких небольших контейнерах по три штуки. Были в наборе и ракетница, и нож, и складная ножовка по дереву, и даже спирт. Оперативники решили сначала выпить его за свое чудесное спасение, но потом решили, что спирт может еще пригодиться.

Шелестов проснулся как от толчка и сразу стал прислушиваться, не успев даже открыть глаз. Тело болело и чесалось от лежания на пальмовых листьях. Да, это был гул двигателя морского судна. Но если его слышно, значит, оно идет близко от острова. Максим вскочил на ноги, рядом сел на ложе из пальмовых листьев Сосновский.

– Что за звуки?

– Слышишь, да? – Максим махнул рукой: – Пошли!

Оперативники выбежали из своей маленькой пещеры под южное ночное небо. Близкие деревья, прикрывавшие вход в пещеру и делавшие ее незаметной с моря, мешали

и самим обитателям видеть, что делается неподалеку. Пришлось взбираться по скале немного выше пещеры. Но теперь не слышно звуков и не видно никакого движения по водной глади. Океан сегодня был относительно спокоен, но с берега слышался еле приметный шорох воды по прибрежным камешкам. Значит, дошла до берега волна от судна, которую он во время движения оставляет за кормой.

– Это какой-то большой катер, – предположил Сосновский. От огромного парохода такого гула мы бы не услышали. Торпедный катер, буксир или что-то в этом роде.

– Может быть, – задумчиво отозвался Шелестов. – Во всяком случае, мы теперь знаем, что места эти обитаемы. И придется нам вести себя осторожнее.

– Обитаемы? – с сомнением возразил Сосновский. – А если это единственное судно, которое прошло здесь за последние полгода? И то случайно!

– Не думаю. Малые суда далеко от базы не удаляются. А если идут в открытом море, то только в сопровождении больших судов. В виде прикрытия для каравана или группы флота. Давай-ка, Миша, вести себя осторожнее. Не разжигать огня. Сначала надо понять, кто тут плавает, чьи суда: японские или американские. А уж потом будем думать то ли прятаться, то ли сигналы подавать.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете поднялся ветер. Шум прибрежной волны не давал спать, все казалось, что какое-то судно проходит мимо, что от него волны накатывают

на берег. И с первыми лучами солнца оперативники поднялись. Кое-как размяв затекшие мышцы, позавтракали бананами, выпили горячей воды, вскипятив ее в металлической посудине из аварийного набора. Утром, взяв с собой только спички, нож и оружие, оперативники отправились обследовать остров. Резонно было предположить, что удобное место для якорной стоянки и высадки на берег все же не с северной части острова, где он выгибается горбом, а с южной. Это нельзя назвать бухтой, но все же более защищенное от океанских волн место. Может, там и местные жители найдутся.

– Вон до той скалы дойдем и остановимся, – предложил Шелестов. – Место закрытое, и недалеко от берега камни из воды выступают. Там удобно ловить рыбу. Передохнем, пожарим рыбки, пообедаем и дальше двинемся. Но что-то у меня пока впечатление, что на этот остров нога человека не ступала.

– Посмотрим, – пожал Сосновский плечами. – Неизвестно, сколько нам еще тут жить. Можем весь до камешка осмотреть этот клочок земли в океане. Других занятий не предполагаю. Конечно, если удастся познакомиться с прекрасной туземкой, которая позволит в ее объятиях скоротать остаток века, тогда...

– Вот кто тебя плохо знает, Михаил, – со смехом ответил Шелестов, – может подумать, что ты бабник или как минимум болтун несусветный.

– А ты что думаешь? – вполне серьезно спросил Сосновский.

– Я не думаю, я знаю, – тоже перешел на серьезный тон Максим. – Ты разведчик, ты работал за кордоном, и довольно успешно. Такие люди, как ты, всегда думают, что говорят, и думают, что делают. Ты просто сейчас бережешь нервную систему позитивными мыслями. Хотя прекрасно знаешь, что туземку тебе не прокормить, потому что ты ничего не умеешь делать. Ни хижину построить, ни рыбы наловить.

– А кто вчера на ужин наловил рыбы? – удивился Сосновский.

– Ну, с леской и крючком и искусственной наживкой, которые были в аварийном наборе, каждый поймает. А ты попробуй из подручных средств сделать снасти и поймать.

Сосновский усмехнулся и промолчал. Они шли к берегу, и до скалы, возле которой планировали остановиться на отдых, оставалось меньше часа. Михаил шел первым, продираясь напрямик через кустарник, и вдруг он остановился, подняв предупреждающе руку. Шелестов подумал, что напарник увидел змею или мину. И сразу остановился, заглядывая через плечо Сосновского вперед.

Это был не просто кусок белой тряпки. Когда-то белой. Когда Сосновский поднял ее и расправил, то сразу стало понятно, что это матросская шапочка. Такие головные уборы с отворотами вверх носили американские военные моряки. И, судя по всему, на ткани когда-то имелись следы засохшей

крови. Теперь от дождей она почти вся смылась, но все же понятно, что это была кровь. И как раз около дырочки, которая очень похожа на пулевое отверстие.

– Ну, – спросил Сосновский Максима, – теперь остров не выглядит таким уж необитаемым? Здесь ступала нога человека. И человека вооруженного. И он стрелял в другого человека.

– Да, здесь можно встретить как американцев, так и, я думаю, японцев. – Шелестов посмотрел вперед, прикрыв глаза от солнца рукой. – Пошли, и давай-ка внимательнее смотреть по сторонам. Торчать на этом острове мне по-прежнему не хочется, но и встреча с людьми как-то не кажется мне уже такой желанной.

Они прошли еще около двух километров, спустились ниже к берегу. Пока Сосновский собирал дрова для костра, Шелестов по камням отошел подальше от берега и принялся ловить рыбу с помощью снастей из аварийного набора для выживания. За час он поймал четыре приличные рыбины вполне съедобного вида. Вытащив и сняв с крючка, он бросал каждую на берег Михаилу, который их тут же потрошил, промывал в морской воде и насаживал на шесты вокруг костра.

Когда Шелестов выбрался на берег, сматывая леску, то застал Михаила сидевшим возле костра. Сосновский с интересом рассматривал какую-то бумажку.

– Что это? – Шелестов присел рядом.

– Иероглифы, – протянул обрывок плотной бумаги Сосновский. – Мне кажется, это кусок упаковки. От чего, не знаю. Может, от продуктового пакета, а может, от медицинского. А вот эта часть оборванного рисунка – японский флаг. Точнее, часть от него. Похоже?

– Похоже, – повертев бумажку, согласился Шелестов. – И эта упаковка валяется тут не год и не два. Если она и видела дождь, то, может, всего один. И на солнце не поблекла еще, и от дождей не размокла, не потемнела. Тихо!

Шелестов вскочил на ноги, и Сосновский поспешно тоже встал рядом, прислушиваясь. Рокот мотора доносился откуда-то издалека. Но звук исходил не с острова. Совершенно точно, что со стороны моря. Через несколько минут можно было разглядеть удаляющийся катер или небольшое судно. Оно появилось далеко из-за мыса и исчезло в юго-западном направлении. Различить очертания, даже определить размеры судна было трудно. Но совершенно точно оно ушло с этого острова. Значит, там, на юго-западе острова что-то есть. Возможно, что и люди. И, скорее всего, враги.

– Дурацкая ситуация, – проворчал Шелестов. – Встреть мы сейчас врага или местного жителя, а пользы от этого никакой. Не допросишь, сведений не получишь. Японцы, полинезийцы! Хоть бы завалящего немца найти, американца, на худой конец. По-английски я несколько слов знаю.

– Значит, только прятаться и наблюдать, – согласился Сосновский.

Лейтенант Алан Хейли был невысоким, можно даже сказать, что щуплым молодым человеком. Буторин смотрел на американца, которого им навязал полковник Тернер, и думал, а чего ждать от этого парня. По-русски говорит вполне прилично. Но это только потому, что он вырос в Нью-Йорке на Шипсхед-Бей, где живет много русских, и с детства Алан нахватался русских слов настолько, что мог общаться с русскими сверстниками. Знания русского языка пришлось укрепить, когда Хейли отправили работать на Аляску, где он по линии разведки контролировал поставки в Советский Союз по линии ленд-лиза.

Что-то в этом парне было не так, но Буторин никак не мог понять, на чем базируется его личное недоверие к американцу. С одной стороны, тот очень энергичен и подвижен, словоохотлив. Нормальный компанейский парень, как бы его назвал Буторин. Но иногда он замечал, что Хейли подолгу сидит или стоит у борта, глядя на океан. И тогда он кажется флегматичным, ушедшим мыслями глубоко в себя. Причин такого странного изменения в поведении может быть много. Идет война, вполне возможно, что Алан потерял кого-то из близких. Коган несколько раз пытался разговорить американца, вызвать на откровенность, но тот вежливо улыбался и уходил от разговоров о личном. Буторин предположил, что американский лейтенант просто играет свою роль улыбающегося и приветливого парня на русском корабле. Такое по-

ведение оправданно: войти в доверие к экипажу, к советским разведчикам, дать понять, что я свой и лоялен к русским, что на меня можно вполне положиться.

– Скажи, Борис, – спросил Буторин, когда судно стало выходить из порта. – Что ты думаешь о Хейли? Можно на него будет положиться в трудную минуту?

– Интересный вопрос, – усмехнулся Коган. – Я его полчаса назад задавал нашему капитану. Груздев старый моряк, он людей вычисляет с одного взгляда, как говорится, по походке. Так вот он сказал, что американец, если придется, будет сражаться с врагом с нами бок о бок.

– Почему Груздев так уверен? Он не объяснил?

– Объяснил, – кивнул Коган. – Схитрил капитан, успел начальнику порта рассказать о своих сомнениях. Груздев с этим Майклом Уилкером сталкивался много раз. Тот тоже плавал на гражданских судах. Они вроде как приятели, члены одного морского братства. Уилкер сказал, что у Алана отец погиб во время нападения японцев на Пёрл-Харбор.

– Кое-что это объясняет, но не все, – помолчав, ответил Буторин. – Ладно, посмотрим, но давай-ка с ним поосторожнее. Не получается у меня слепо доверять Хейли, хоть он и представитель союзников.

«Профессор Молчанов» благополучно покинул Гонолулу и взял курс на юг. Буторин и Коган поднялись в каюту капитана, чтобы обсудить план поиска острова и маршрут судна. Научные сотрудники продолжали свои наблюдения за те-

чениями Тихого океана и воздушными массами. Обычное мирное судно. Это было хорошо, что обычное и мирное. Хорошее прикрытие, но в то же время абсолютное безоружное судно, и случись нападение, защитить экипаж и ученых будет нечем. Значит, рисковать и строить маршрут так, чтобы избежать встречи с японцами.

Неожиданно в дверь постучали, и вошел Хейли. Американец, как обычно, улыбался открытой располагающей улыбкой, но глаза его сейчас были серьезными. И из-за этого контраста выражение лица американского лейтенанта казалось неестественным, маскообразным.

– Слушаю вас, Хейли! – Груздев поднял голову, оторвавшись от карты, и посмотрел на американца.

– Я бы хотел быть вам полезен, капитан, – сказал американец, подходя к столу. В руке он держал картонную папку. – Всем вам. Я не знаю, кто у вас на судне руководит этой операцией, но я могу помочь.

– Каким образом, Хейли? – стараясь скрывать неприязнь, спросил Буторин. – Мы взяли вас на борт по настоянию военной администрации порта...

– Да, я знаю, – улыбнулся американец. – Это было похоже даже на шантаж. Вам сказали, что не выпустят вас в море, если вы не возьмете на борт меня. Не судите строго мое командование. Мое руководство старалось выполнить свою работу, но цели у нас с вами одинаковые, поверьте. И я должен найти этот проклятый остров, чтобы спасти удерживаем-

мых на нем американцев, а вы хотите спасти своих соотечественников. Я уверен, что на вашем судне это сделать легче. Любой американский военный корабль сразу станет целью японцев, а у вас с ними нет войны. У вашего судна есть неплохой шанс. Вы же добровольно не взяли бы меня на борт?

– Взяти бы, – огорошил прямым ответом Коган. – Только нам никто не делал такого предложения, нам ставили ультиматумы.

– Я уже принес свои извинения от имени командования, а теперь позвольте мне рассказать о своих соображениях.

Буторин посмотрел на Когана, на капитана. В глазах он прочитал молчаливое согласие. Почему не послушать? Может, и правда что-то дельное предложит американец. А если нет, то пусть себе идет. Лишь бы не мешал! Подозвав Хейли к карте, Виктор предложил американцу рассказать о его идеях поиска. Тот взял карандаш и обвел на карте овал размером в несколько сотен морских миль. И начал говорить, путаясь в русских словах, тогда ему на помощь приходил Груздев, поправляя или задавая наводящие вопросы по-английски.

– Восточная Полинезия, – говорил Хейли. – Японцы хорошо и основательно здесь обосновались. В этой центральной и северной области много крупных обитаемых островов. Вряд ли японцы устроят свои секретные лаборатории в таком месте. И ближе к Австралии, в южной части архипелага,

тоже. Австралийцы наши союзники, с их территории самолетам легче добраться до южных островов Полинезии, если будет такая необходимость. И суда с десантом дойдут быстро. Нет, тут им опасно делать секретные дела. Мы решили, что вот в этой области, что я вам показал, следует искать и лабораторию, и наших пленников. Командование согласилось с доводами разведки, и в течение нескольких дней высотный истребитель ходил над этим районом с установленной на нем фотоаппаратурой. Как только появлялись японские истребители, самолет тут же уходил «домой».

– Что-то интересное он успел снять? – нетерпеливо спросил Буторин.

– В принципе, снимки подтвердили наши предположения. В этой области нет очень крупных островов. Если на каком-то острове население и есть, то это, в лучшем случае, небольшая рыбацкая деревушка. Есть и открытые участки с обнаженной скальной породой, но больше всего площадей, покрытых тропической растительностью. В отличие от других частей архипелага, здесь часто курсируют небольшие суда: торпедные катера, буксиры, транспортные моторные суда небольшого водоизмещения. Мы за эти несколько дней ни разу не зафиксировали в этих водах большого военного судна. Такое ощущение, что это запретная зона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.